

Стоило Хан Сизню без малейшего колебания бросить эти слова наперекор, как восседавший на драконьем троне император удивленно приподнял брови. Протянув озадаченное «о-о», он с живым любопытством спросил:

— Говоришь, ты не согласен?

Стоявший на коленях герцог Хань, Хан Чжо, тут же в ярости уставился на сына:

— Дерзкий наглец! Как ты смеешь своевольничать в присутствии Его Величества? Немедленно признай вину!

Хан Сизнь даже не взглянул на отца и тем более не удостоил его ответом. Смотря прямо на государя, он заговорил без всякого стеснения:

— Ваше Величество, свою вину я уже признал и готов безропотно принять любую кару, которую вам будет угодно избрать. Однако предложение герцога Ханя взять наказание на себя я принять не могу. В конце концов, он приходится мне родным отцом. Если пороть меня доверить ему, это будет несправедливо.

— Несправедливо? — переспросил император.

Хан Сизнь лишил Хан Чжо всякой возможности сохранить лицо, заговорив тихим, размеренным голосом:

— Именно так, Ваше Величество. Окажись удары герцога Ханя слишком слабыми, злые языки тотчас обвинят его в предвзятости и потакании родственной привязанности. Впрочем, я убежден: мой отец так не поступит. Скорее уж, стремясь утихомирить ваш праведный гнев, он приложит всю свою силу. Мое слабое, изнуренное болезнями тело едва ли выдержит сотню ударов плетью. Я либо испущу дух прямо на месте, либо останусь калекой до конца своих дней. Как же тогда я смогу и дальше служить Вашему Величеству? Полагаю, герцог Хань ведом корыстным умыслом, а потому сие решение в корне несправедливо.

Хан Чжо продолжал стоять на коленях, и в эту минуту в его душе шевельнулось жгучее сожаление. Зачем, ну зачем он когда-то оставил этому щенку жизнь? Видано ли, чтобы сын с такой дерзостью, прикрываясь высокими речами, топил собственного отца прямо на глазах у всего двора?

— Ты еще смеешь заикаться о службе? И что же, снова пойдешь грабить чужие усадьбы без высочайшего указа? — ворчливо бросил император. Однако те из придворных, кто досконально знал повадки государя, сразу поняли: его гнев окончательно угас.

Хан Сизнь, сделав вид, будто не уловил сарказма, спокойно ответил:

— Своей головой ручаюсь, Ваше Величество, улов там богатый.

Император, чье недовольство уже почти сошло на нет, от столь неприкрытого упрямства едва не задохнулся. Он уже собирался подняться и обрушить на наглеца лавину ругательств, как вдруг в зал вернулся Гао Фэн.

Вынужденный прерваться на полуслове, государь смерил вошедшего весьма неласковым взглядом. Дрожа от страха под этим тяжелым взором, Гао Фэн поспешил доложить: изъятые у клана Ли серебро доставлено во дворец.

Из-за поистине колоссального объема сокровищ сундуки пришлось выстроить прямо перед главным залом.

Услышав о прибытии обоза, император испытал двоякое чувство: жадное предвкушение мешалось в нем с легкой досадой. Он поднялся, одарил Хан Сизня многозначительным взглядом и, обернувшись к притихшим сановникам, ядовито процедил:

— Что ж, раз серебро на месте, прошу вас, любезные мои подданные, проследовать за мной. Посмотрим вместе, какова она — верность министра Ли, которой он так клялся пред небом и землей.

Возразить не посмел никто. Чиновники потянулись к выходу; шедшего среди них Ли Чжуна, у которого от ужаса подкашивались ноги, вели под руки стражники.

Огромная площадь перед дворцовыми воротами была заставлена тяжелыми деревянными ларями. На сей раз Гао Фэн проявил завидную сообразительность: по его знаку гвардейцы разом распахнули крышки. Плотные ряды белоснежного, сияющего в лучах солнца серебра буквально ослепили присутствующих.

Император спустился по ступеням, наугад вытащил из ближайшего ящика тяжелый слиток и взвесил его на ладони. Осмотрев клеймо со всех сторон, он с силой швырнул его обратно. Слиток со звоном нарушил идеальный порядок укладки, а один из соседних вылетел наружу и с чистым металлическим стуком покатился по каменным плитам.

— Господин министр доходов, — не оборачиваясь, позвал государь, — поди-ка сюда. Взгляни и скажи: как эти груды соотносятся с тем, что ныне лежит в казне Великой Чжоу?

Министр доходов больше всего на свете желал сейчас слиться с колонной и не привлекать к себе внимания. Услышав свое имя, он мысленно проклял Ли Чжуна до седьмого колена. В конце концов, кто из них, столичных чиновников, был без греха? Каждый брал — кто больше, кто меньше. Но Ли Чжун умудрился так глупо попасться! А если император войдет во вкус и

начнет потрошить усадьбы одну за другой? Тогда и до его собственного дома очередь дойдет.

И все же уклониться от ответа было невозможно. Сделав шаг вперед, министр доходов со всей осторожностью пролепетал:

— Отвечая на ваш вопрос, Ваше Величество... Боюсь, в государственной казне сейчас едва ли сыщется столько наличного серебра.

Государь медленно кивнул. Его губы исказила горькая, полная самоиронии усмешка:

— Прекрасно. Казна великой империи уступает накоплениям одного-единственного министра чинов. Какая восхитительная нелепость! Стража! Немедленно взять под стражу бывшего министра Ли Чжуна и всех членов его семьи. Верховному суду и Министерству юстиции начать дознание и составить подробную опись грехов. Министерству доходов — принять и пересчитать серебро до последнего медного гроша.

Главы ведомств поспешно вышли вперед, принимая приказ, в то время как остальные чиновники дружным хором затаили славословия мудрости государя. Но слово «мудрость» сейчас лишь раздражало императора.

— Мудрость? — ледяным тоном оборвал он их. — Вы, верно, держите меня за круглого дурака. Каждый из вас прекрасно знает, сколько наворовал и припрятал. Помните одно: не попадайтесь мне под горячую руку.

Стоило государю договорить, как Ли Юй, точно очнувшись от оцепенения, вскочил на ноги. Лицо его исказилось злобой, и он с яростью указал пальцем на Ши Жуй:

— Это все из-за тебя! Ради твоих прихотей я брал эти подношения! — С этими словами он рухнул обратно на колени и принялся неистово биться лбом о камни перед императором: — Ваше Величество! Клянусь, к каждой взятке, к каждой монете приложила руку Окружная княжна Ань!..

Договорить ему не дал издевательский смешок Хан Сиэня.

— Похоже, молодой господин Ли считает Окружную княжну Ань совсем наивной, — лениво проговорил наследник. — Или вы уповаете на то, что ее высокое происхождение и бывшая милость государя уберегут вашу шею от плахи, если свалить всю вину на нее? В том тайнике лежала шкатулка с ассигнациями — без малого на миллион с лишним лянов. Судя по датам на гербовой бумаге, княжна Ань в те годы еще даже порог вашего дома не переступила. Ее вина бесспорна, но тащить за ваш клан весь ворох грязного белья она не обязана. Будучи сыном, собирать подношения, прикрываясь именем отца, — это сыновняя непочтительность. Будучи мужем, трусливо перекладывать вину на супругу в надежде спасти собственную кожу — это низость и обман государя, а значит, измена. Мне, признаться, даже дышать с вами одним воздухом противно, не то что вести беседы.

Речь Хан Сиэня лилась неспешно, плавно, но каждое его слово врезалось в сознание окружающих, точно острый клинок, заживо сдирающий кожу. Было не просто больно — это было сокрушительное, кровавое унижение.

Ли Юй залился краской стыда и гнева, не в силах вымолвить ни слова. Ши Жуи тоже наконец очнулась. Смертельно бледная, она ошеломленно воззрилась на супруга, словно впервые в жизни разглядела истинное лицо человека, с которым делила ложе.

Вмешательство Хан Сиэня избавило императора от крайне щекотливого положения и необходимости судить близкую родственницу наравне с изменниками на глазах у всех. Государь перевел взгляд на Окружную княжну Ань и с глубоким разочарованием покачал головой.

— Держать Окружную княжну Ань под стражей отдельно от остальных, — устало прикрыв глаза, распорядился он.

Резко развернувшись, император взмахнул широким рукавом и зашагал прочь, но, сделав лишь несколько шагов, обернулся к наследнику:

— А ты — ступай за мной в императорский кабинет.

Императорский кабинет

Хан Сиэнь молча последовал за правителем, оставив бурлящую страстями толпу позади.

Оказавшись под сводами личного кабинета, император долго, не мигая, разглядывал юношу. Хан Сиэнь же стоял перед ним с абсолютным, почти безразличным спокойствием.

Наконец государь нарушил затянувшееся молчание:

— Твоя сегодняшняя заслуга велика. Закон велит наградить тебя. Чего ты желаешь?

Хан Сиэнь чуть приподнял веки и бесхитростно ответил:

— Вашему слуге не хватает денег.

Император от такой наглости едва не расхохотался от злости. Схватив со стола первый попавшийся свиток, он швырнул его прямо под ноги юноше:

— Ты что же, принял мои слова за чистую монету? Совсем разучился отличать издевку от милости? Ты нарушил прямой имперский запрет, и я за это с тебя еще спрошу!

Хан Сиэнь невинно захлопал ресницами:

— Но ведь говорят, что государево слово нерушимо?

— Хм! — фыркнул император. — Ты совершил великое дело, но и проступок твой тяжек. Считай, что одно покрыло другое. Свободен, возвращайся к себе.

Поклонившись в знак благодарности, Хан Сиэнь повернулся, чтобы уйти. Однако, сделав два шага, он замер, вновь повернулся лицом к столу и неторопливо извлек из широкого рукава пачку писем:

— Сие было обнаружено при обыске в доме Ли. Ваш слуга опасался, что столь важные бумаги могут затеряться, а потому счел за благо держать их при себе.

Евнух Юань Бао тут же принял послания и бережно перенес их на стол правителя. Император развернул бумаги, пробежал глазами строчки, и лицо его мгновенно потемнело. Оно и понятно: мало кому понравится узнать, что на твой трон уже давно и планомерно точат зубы.

Сжав кулаки, император резко захлопнул письма и уставился на Хан Сиэня взглядом, сулящим скорую смерть:

— Ты читал это?

— Одно письмо читал, — честно ответил Хан Сиэнь.

В кабинете повисла гнетущая тишина.

— Ни единая живая душа не должна узнать об этих письмах, — глухо произнес император. — Юань Бао! Передай Верховному суду и Министерству юстиции: строжайше запретить любые свидания с арестованными из клана Ли. И Окружную княжну Ань это касается в первую очередь.

Хан Сиэнь и Юань Бао одновременно склонились в поклоне. Поняв, что аудиенция окончена и более государь в нем не нуждается, наследник проявил благоразумие и попросил разрешения удалиться.

Правитель лишь раздраженно махнул рукой, безмолвно приказывая ему поскорее убираться с глаз долой.

Как только за юношей закрылись двери, император повернулся к своему доверенному слуге:

— Ну что скажешь, Юань Бао?

На лице старого евнуха вновь появилось привычное угодливое выражение.

— Наследник Хань на редкость отважен, Ваше Величество. Одно лишь примечательно: его отношения с собственной родней, похоже, хуже некуда.

Юань Бао вкратце напомнил государю о том, как холодно и враждебно обошлась с внуком старая госпожа Хань во время их недавней встречи.

— Ты и сам видел, что творилось в зале, — холодно хмыкнул император. — Не только бабка его на дух не переносит, но и родной отец спит и видит, как бы засечь до полусмерти. Он такой же одиночка, как и я.

— Полно вам, Ваше Величество, — тут же замахал руками евнух, — куда какому-то наследнику до вашего величия!

Император снисходительно усмехнулся, но затем его голос сделался тихим и вкрадчивым:

— Еще когда он просил у меня полсотни гвардейцев, в мою голову закралось смутное подозрение, что этот безумец решится разгромить усадьбу Ли. И все же я полагал, что он не станет действовать столь опрометчиво без весомых улик. Кто же знал, что он действительно заявится туда с обыском и наткнется на тайный механизм? Как думаешь, Юань Бао, этот парень пренебрег моей волей ради собственной прихоти, или же он искренне стремился сослужить мне службу? А самое главное... не обернется ли этот дикий, не знающий узды волчонок против меня самого, когда подрастет?

Юань Бао мягко улыбнулся:

— Помилуйте, Ваше Величество, ваш верный слуга — не червь в утробе наследника Ханя, да и умом не блещет, откуда мне знать его помыслы? Одно скажу: у юноши натянутые отношения со старшими в роду, здоровье его крайне слабое, да к тому же в этом году его едва не сжил со света какой-то обнаглевший слуга. Теперь вот родная сестра вернулась с заставы — у него есть о ком заботиться и чего опасаться. Не будь за его спиной вашей негласной поддержки, его бы давно упекли за решетку по обвинению в сыновней непочтительности. Да, он дерзок, не боится наживать врагов, но связей при дворе у него нет, в чинах он не преуспел. Без вашей милости ему не устоять. Кому же еще ему служить, как не своему благодетелю?

Государь весело сощурился:

— Ах ты, старый хитрый лис! Твердишь, что ничего не смыслишь, а сам все разложил по

полочкам. Впрочем, отрицать не стану: мне по душе его бесстрашие. Да и ума ему не занимать. Взять хотя бы то, как ловко он пресек жалкую попытку Ли Юя оговорить жену. Он признал вину Ши Жуй, но при этом сберег ее лицо и втоптал в грязь этого ничтожного подлеца, избавив меня от необходимости делать выбор между долгом и родством. В его повадках есть что-то... от него. Кто знает, быть может, именно этому мальчишке суждено разрешить загадку былых лет, что терзает меня по сей день.

Кого именно государь подразумевал под этим «им», Юань Бао прекрасно знал. Но когда император погружался в воспоминания, тревожить его расспросами было смертельно опасно, поэтому старый слуга лишь безмолвно склонил голову, стараясь казаться невидимым.

Едва покинув дворцовые ворота, Хан Сиэнь начисто выбросил из головы мысли об императоре. Он прекрасно понимал: пускай государь на людях и разыгрывает гнев, в глубине души тот спит и видит, как бы пустить по миру половину столичного чиновничества. Пока ему удастся безошибочно угадывать чаяния повелителя, его безбедному и спокойному существованию ничто не угрожает.

Путь его лежал обратно в Поместье герцога Хань. Когда экипаж поравнялся с трактиром «Забывшийся Бессмертный», что стоял на оживленном проспекте Алого Феникса, дорогу преградил слуга в добротных одеждах. Поклонившись, он вежливо сообщил, что его господин ожидает наследника на втором этаже.

Несколько мгновений Хан Сиэнь молча разглядывал незваного вестника, после чего все же принял приглашение. Поднявшись по деревянной лестнице в уединенную верхнюю обитель, он отворил резную дверь и обнаружил внутри за накрытым столом двоих: своего наставника Бай Шу и третьего принца, Цзи Ло.

<http://bllate.org/book/20088/2001991>